

История в лицах

Жизнь и судьба Фридриха Краузе

Фото смотрите на сайте magmetall.ru

«ММ» продолжает публикацию воспоминаний одного из организаторов детского здравоохранения Магнитогорска

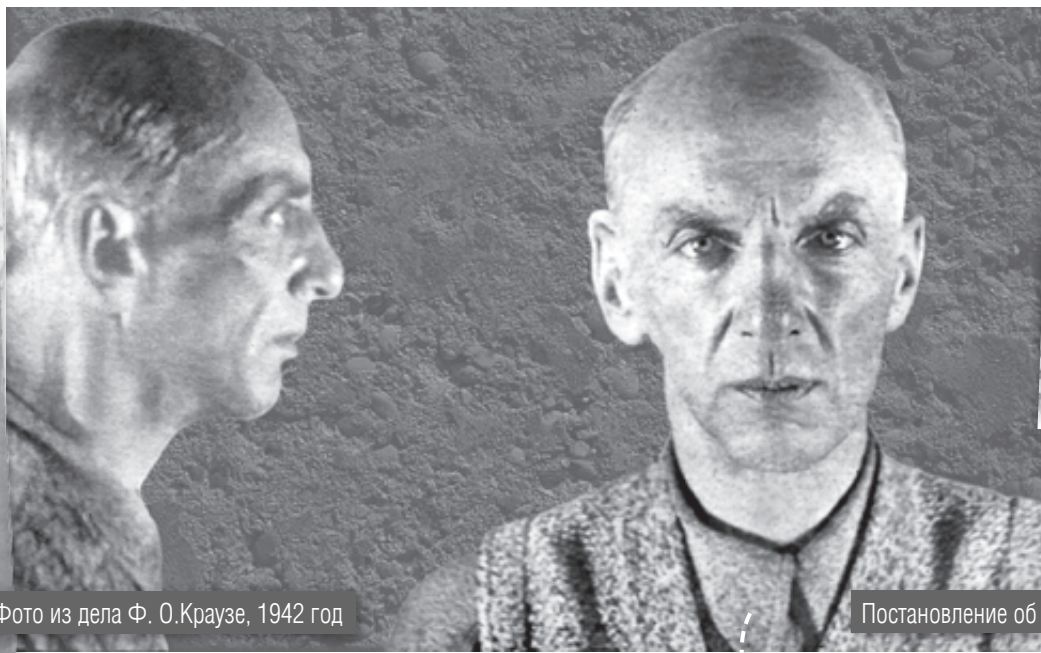
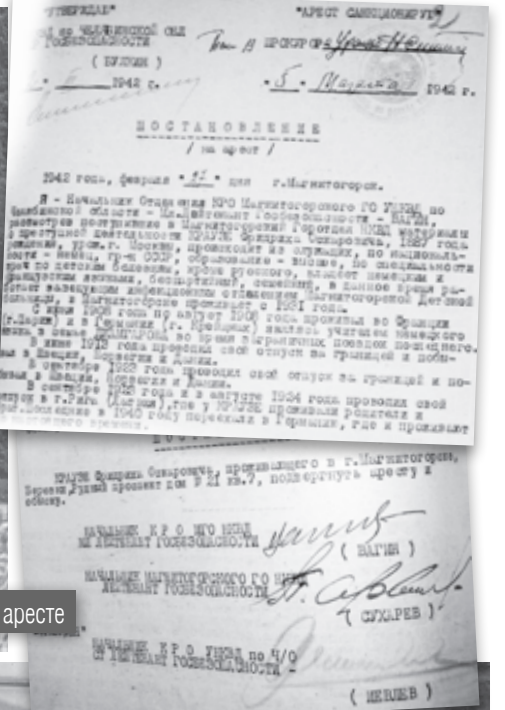

Фото из дела Ф. О. Краузе, 1942 год

Постановление об аресте

Квартира, в которую переехала семья Краузе, с балконом, на втором этаже, по улице Бибишева, дом 16 (бывший Рудный проспект)

Вера Берсенева

Школа ясельных сестер

«Среди моих многочисленных пациентов были дети начальника комбината Завенягина. По его приказу нашей семье выделили просторную квартиру в новом доме на Берёзках. Не раз говорил я Вере, что мы живём так хорошо, так дружно, что завистливые боги обязательно постараются разрушить наше счастье. Жена старалась меня разуверить, но тоже задумывалась. Ведь время с 1937 года пошло страшное, уверенности ни у кого быть не могло. Все ходили под дамокловым мечом», – вспоминал Фридрих Краузе.

В августе 1941 года был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». И хотя касался он только немцев Поволжья, его стали применять ко всем полтора миллионам советских немцев, переселяя на восток семьи из населённых пунктов, имеющих оборонное значение. Указанием местного НКВД детскому врачу Ф. О. Краузе было предписано выехать с семьёй из города в течение 48 часов. Потом срок был увеличен до недели. Новое место жительства – село Шатрово Курганской области, в 180 километрах к северу от Кургана. Фридрих Оскарлович и Вера Фёдоровна получили полный расчёт на работе. Вещи были собраны и отправлены в Шадринск. Большую часть – 37 ящиков – занимали книги. Отъезд назначили на 27 января 1942 года. Но судьба, а точнее, руководство города, решившее, невзирая на постановление, оставить столь

нужного доктора в Магнитке. Ему вернули две комнаты. Остальную площадь заняла семья председателя горисполкома, эвакуированная из Донбасса. Фридрих Оскарлович был назначен на новую работу – в инфекционное отделение детской больницы. Казалось, жизнь налаживается. Но мнимое благополучие продлилось всего полтора месяца: 10 марта 1942 года Фридрих Краузе был арестован как шпион и диверсант.

«Тучи над нами сгустились, – писал позднее Ф. О. Краузе. – Вечером девятого марта 1942 года легли спать, Вера Фёдоровна с детьми в задней комнате – спальне, я – в передней на диване. Проснулся от того, что кто-то шарит у меня под подушкой.

- Где оружие? – раздался голос.
- Нет у меня оружия!
- Одевайтесь!

Одеваюсь и вижу, что кроме следователя в комнате орудуют трое молодцов, взявшихся за полки с книгами. Просматривается тщательно каждая книга, каждая брошюра. Ищут уличающие документы. Это продолжается всю ночь и часть следующего дня. Улик не находят. Меня сажают за стол. С другой стороны – следователь Вагин. Вызвали из смежной комнаты соседа – инженера А. М. Банных – за понятого.

Ему поручили подсчёт листов нашего архива. К утру он дошёл, кажется, до тысячного листа. Тогда Вагин прекращает подсчёт, велит подать новый мешок и сваливает туда все письма моих родных за многие годы. В том числе письма Фёдора Аркадьевича Берсенева, моего тестя, погибшего в Цусимской битве. Так пропал интересный для историков материал очевидца-офицера, инженера-артиллера.

Тем временем Вагин рассматривает и откладывает альбомы с открытками заграничных поездок, альбом марок, коллекцию денежных знаков царских времён, гражданской войны и НЭПа, считает наличные деньги, облигации займов. Берётся за фотоаппараты, патефон, велосипед. Всё это время жене и детям не разрешается выходить из спальни. Снимаются со стен и проверяются картины. Исчезает отличная, работы первых геологов акварель: панорама ещё не тронутой горы Магнитной и окружающей её степи. В мешок идёт и сувенир: плакетка, отлитая из первого магнитогорского чугуна, с барельефом Ленина и первой домны.

Обыск тянулся до трёх часов дня. Был вызван грузовик. Из спальни вышли проститься жена и дети. Посадили меня в машину и через весь город повезли в следственную тюрьму на первом участке. Сразу же повели в кабинет начальника Сухарева.

– Мы имеем точные данные о ваших связях с иностранными разведками, – обратился он ко мне. – С кем имеете связь? С Интеллидженс Сервис? Или с Сигуранцей? Вы троцкист?

Этот нелепый допрос продолжался минут пятнадцать. Я отвечал, что никакой вины за собой не признаю, что здесь явная ошибка

Камера, в которую меня ввели, была просторна, примерно на 30–40 человек. Ряд сплошных нар, соломенные тюфяки. Шум, гам, ссоры, безобразная ругань. Но лежать днём на койках и спать никто не запре-

щал. Раз в неделю через окошко двери желающим выдавали книги. Это было счастье! После прошедших ночных допросов отдыхал с книгой в руках. В этой камере пробыл около двух недель. После чего меня и ещё десять человек перевели в другую, поменьше. Ещё через 2–3 дня из камеры увели несколько человек, потом – остальных. Остались только мы с соседом из дальнего угла. Это был по-настоящему интеллигентный человек. Высокий лоб, умные, спокойные глаза. Он – директор подмосковного большого завода. Когда гитлеровцы подошли к Москве, от вышестоящего партийного органа он получил по телефону приказ уничтожить станки и другое оборудование, чтобы не достались врагу. Этот приказ он добросовестно выполнил. Но врага отогнали, а директора завода привлекли за самоуправство и приговорили к расстрелу. Однако не расстреляли, а отправили на восток. У него были искусные руки: из хлебной мякоти он вылепил отличные шахматные фигурки, и, нацарапав на столе 64 квадратика, мы часами забывались над игрой. При расставании сосед выразил надежду, что по окончании войны мы встретимся».

Следствие по делу Фридриха Краузе длилось до октября 1942 года.

«В конце длинного коридора барачного здания суда имелся малый закуток, вроде кладовки, – вспоминал Краузе. – Там в тесноте стояли около 10–12 зеков, в ожидании очереди на суд. Жадные руки шарили по моему узлу. Когда меня вызвали, узел пришлось передать солидному мужчине. Ему стоило большого труда отстоять мой «сидор» от всеобщей делёжки. Под конвоем меня ввели в зал заседания. Пустые скамейки: публика не допускается.

Я в шубе, холодно. На возвышенном помосте – «судьи».

– Обвинения тяжёлые. Едва ли что можно сделать, – сообщил мне адвокат. – Но не унывайте, даже если приговорят к расстрелу: недавно получен приказ прекратить расстрелы – отправлять на фронт.

Зачитали обвинительное заключение.

- Признаёте себя виновным?
- Нет!

Вызываются «свидетели»: мальчишка Калужный, который подтвердил, что, живя зиму в моей квартире, неоднократно слышал антисоветские разговоры. Второй свидетель, Келлерман, также услужливо повторил свои показания. А провокатор Шейдин обвинил меня в юдофобии. И это утверждал человек, знавший, что наша семья дружила с евреями и, в частности, с его семьёй.

Выступил прокурор с несколькими банальными фразами. Требовал расстрела. Потом, тоже очень коротко, говорил адвокат. «Свидетелей» отпустили, «суд» удалился на совещание. Ждать пришлось недолго. Судья прочитал приговор: к высшей мере наказания. Двое конвоиров вывели меня в коридор, где я увидел прижавшуюся к стенке жену, но последний, прощальный поцелуй не состоялся. Меня опять втолкнули в камеру. Ещё раз я увидел Веру в том же коридоре, когда вечером меня вновь провели мимо неё. Мы могли обменяться лишь скорбными взглядами... Как тяжело, даже через много лет, вспоминать об этом.

Назад меня вели посередине улицы с двумя конвоирами, державшими в руках пистолеты наготове».

Подготовила краевед Ирина Андреева